

UDC 94(47).084:343.43(470.61)

Missing Page of Book of Condolence

Nikolai P. Kalmykov

Institute of Arid Zones SSC RAS, Russia
Dr. (Geography), Professor

Abstract. The article cites a small quantity of archive data, concerning repressions in the Don Region during collectivization. The description of events of the early 30s of the XX century is presented on the basis of a certain fate.

Keywords: collectivization; repressions; Cossacks; Zaplavskaya Cossack village; the Don.

Введение. Историки, как археологи и палеонтологи, сталкиваются со многими трудностями, одной из них, является реконструкция того, что произошло в прошлом. Восстановление недостающих страниц книги прошлого должно происходить не только для расширения знаний, но еще и так, чтобы эти события воспринимались теми, кто в них участвовал, и теми, на кого они оказывали воздействие. Довольно трудно осознавать, кто мы такие и чего мы хотим, как и почему мы стали именно такими, какие есть, не говоря уж о том, каким сознанием и самосознанием обладали люди, какие поступки они совершали, находясь в различных ситуациях, отличных от наших. От настоящего историка, тем не менее, требуется именно это. Без способности к сочувствию и воображению, намного превосходящую ту, которая необходима, например, мне, палеогеографу и палеонтологу, мы не способны увидеть ни прошлое, ни настоящее, ни самих себя, ни других; без этой способности не может быть не только познания истории, но и познания вообще.

Материалы. Глубокий интерес к конкретным событиям, лицам и ситуациям самим по себе, обусловленный профессиональными навыками, в конце концов, привел к вопросу, который многие десятилетия не поднимался, не обсуждался, не прояснялся – это судьба моего дедушки, одна из ее страниц была прочитана только в этом тысячелетии. В выпусках «Книги памяти жертв политических репрессий» [1, 2], в Списке жителей Ростовской области, осужденных к ВМН во внесудебном порядке, представленном КГБ России, в Списке реабилитированных прокуратурой Ростовской области мой дедушка не значится. Однако в архиве УФСБ России по Ростовской области хранится дело № П-42490 [3] с «Заключением» в отношении Д.Ф. Калмыкова (фото 1) по материалам уголовного дела (архивный № 12414), утвержденного прокурором Ростовской области 13 декабря 1989 года. Оно гласит: Калмыков Дмитрий Федорович подпадает под действие ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30–40-х и начале 50-х годов». Это заключение подтверждено и в письме УФСБ России по Ростовской области № 115/6/6-К-1235 от 16.12.2009 года на мое имя: Калмыков Дмитрий Федорович реабилитирован.

Результаты. В анкете уголовного дела № П-42490 для арестованных и зачислением за О.Г.П.У. записано [3]: Калмыков Дмитрий Федорович, гражданин РСФСР, русский, Донской округ, ст. Заплавская, возраст 58 лет, родился в 1873 г., грамотный. Состав семьи: жена Варвара Стефановна (57 лет), сын Стефан Дмитриевич (30), сын Филипп Дмитриевич (28), сын Алексей Дмитриевич (24), сын Тимофей Дмитриевич (20), сын Петр Дмитриевич (15), дочь Елена Дмитриевна (21), дочь Серафима Дмитриевна (13), дочь Анна Дмитриевна Чеботарева (32). Все дети проживали в ст. Заплавской, кроме Стефана, эмигрировавшего в 1920 году во Францию, но и ему не удалось избежать участи многомиллионных узников ГУЛАГа, но об этом в другой публикации.

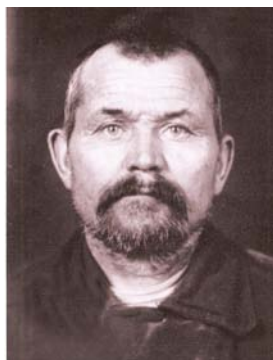

Фото 1. Дмитрий Федорович Калмыков (1873?- 05.03.1930) [3]

В первой части анкеты (заполняется заключенным) рукой заведующего местом заключения записано, что Д.Ф. Калмыков был беспартийным, по профессии хлеборобом, им был до момента ареста. В графе «Состоял ли на государственной службе, в каком чине» записано «Служил у белых в карательном отряде особого назначения», в графе «Если не служил и не работал по найму, то на какие средства жил» – «Садовладелец и торговец скотом». В графе «Привлекался ли к ответственности по суду или административном порядке» отмечено, что в 1921 году был осужден на 5 лет за невыполнение продразверстки, в графе «Когда арестован» – «25 января 1930 г.», в графах «Кем арестован, по чьему ордеру № ордера» и «Где арестован» – «Уполномоченным ОГПУ» и «ст. Заплавской на квартире». В графе «Предъявлено ли обвинение и в чем именно» – «Предъявлено обвинение по ст. 58¹⁰ и 58¹³».

Во второй части анкеты (заполняется администрацией места заключения) в графе «Официальное название места заключения» – «Новочеркасский изолятор», в графе «За кем зачислен» – «Особое совещание (далее неразборчиво) ОГПУ. В Новочеркасском изоляторе он находился с 26.01.1930 года в категории заключенных «Для внесудебного рассмотрения».

В обвинительном заключении идет речь о том, что Калмыков Дмитрий Федорович, 50 лет (в анкете 58), из казаков станицы Заплавской, кулак, крупный садовладелец, женат, беспартийный, с низшим образованием, злостный неплательщик налогов, в 1921 году был осужден Ревтрибуналом к 5 годам за невыплату продразверстки обвиняется в том, что в составе карательного отряда Особого назначения принимал активное участие в вооруженном восстании казаков в 1918 году, вел жесткую борьбу против большевиков и лиц, сочувствующих Советской власти. Он обвиняется в том, что по имущественному и социальному положению являлся кулаком и карателем, принимал участие в контрреволюционной кулацкой группировке под руководством кулака Яковлева В.А., действующей по обработке общественного мнения против Советской власти, организации срывов хозполиткомпаний, с угрозами террора над коммунистами, т.е. в преступлении, предусмотренных ст.ст. 58 п. 13, 58 п. 10 и 58 п. 11.

22 февраля 1930 на заседании Тройки СКК рассматривалось дело № 13826/СО по обвинению Яковлева Василия Андреевича и других в рамках дел «Для внесудебного рассмотрения» [3]. Она постановила (фото 2): 1. Яковлева Василия Андреевича. 2. Калмыкова Дмитрия Федоровича РАССТРЕЛЯТЬ. Семьи указанных лиц выслать в Севкрай, имущество конфисковать.

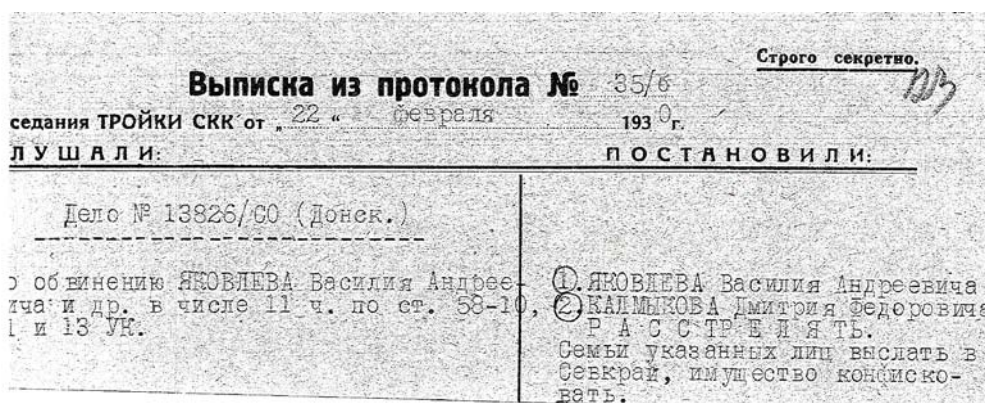

Фото 2. Часть листа с выпиской из протокола № 35/б д. заседания Тройки ССК от 22 февраля 1930 г. [3]

Других участников «контрреволюционной кулацкой группировки» (9 человек) приговорили к разным срокам в концентрационных лагерях с конфискацией имущества и высылке в Севкрай. Семьи тех, кто был приговорен к 10 годам в лагерях, также должны быть высланы в Севкрай.

Большая часть членов семьи Д.Ф. Калмыкова, не дожидаясь высылки, перебралась в г. Шахты, где стали работать под землей: стране нужен был уголь. Филипп Дмитриевич уехал в Кабардино-Балкарию, где длительное время работал бухгалтером в одном из колхозов. Дочь Д.Ф. Калмыкова, Елена Дмитриевна, работавшая на шахте, на время изменила фамилию и имя. Никто из членов семьи не был выслан в Северный край, дочь Анна Дмитриевна Чеботарева вместе с мужем Яковом Ефимовичем прожила в станице до конца своих дней. Возможно, это было связано с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 марта 1930 года о прекращении массового выселения кулаков из районов сплошной коллективизации, предписывавшего проводить его только в индивидуальном порядке. Что происходило на самом деле, никто не знает, поэтому не будем строить догадки.

В деле имеется документ, подтверждающий применение так называемой «меры социальной защиты» – высшей меры наказания: расстрела. Из акта от 5 марта 1930 г. (г. Новочеркасск) следует: Мы подписавшиеся, комиссия в составе секретаря об. IX корпуса Ключкова, пом. Уполномоч. ЭКО НООГПУ Изварина и Уполномоч. КРО Трегубова на основании постановления Тройки ПП ОГПУ ССК от 22/II-30 г. за № 35/б, привели приговор в исполнение над гражданином Калмыковым Дмитрием Федоровичем, смерть констатировал главврач Окружного военного госпиталя т. Чистяков. Комиссия: подпись Ключков, подпись Изварин, подпись Трегубов. Помощник Прокурора Донского округа СККрая по наблюдению за организацией расследований Н. Бибихин.

Это не интерпретация – это исторический факт, в результате которого Калмыков Дмитрий Федорович не дождался рождения одного из внуков – Калмыкова Николая Петровича, написавшего эти строки. По стечению обстоятельств день 5 марта стал последним днем и другого человека – Иосифа Виссарионовича Сталина, но 23 года спустя. Моему отцу, Петру Дмитриевичу, в начале 1930 года еще не было 15 лет, но страх остался на всю жизнь, за жизнь своих близких, за жизнь своих 4 сыновей – Валентина, Анатолия, Александра, Николая, родившихся значительно позже применения «высшей меры социальной защиты» в отношении их дедушки. Отца всегда отличало лояльное, терпимое отношение к советской власти, существовавшей в стране на протяжении всей его сознательной жизни. Он никогда не навязывал своего мнения окружающим, в том числе близким людям, особенно сыновьям, понимая, что они живут в среде, конфликт с которой не только не желателен, но и опасен.

Рассматривая приведенные факты через призму времени, можно достаточно уверенно утверждать, что Д.Ф. Калмыков наряду с казаками Багаевской, Бессергеновской, Заплавской, Кривянской, Мелиховской, Раздорской станиц принимал участие в так называемом «Кривянском восстании» весной 1918 года против Советской власти. В это время «Совет Обороны», переименованный 8-го апреля во «Временное Донское Правительство», оказывал содействие в преобразовании «Заплавских войск» в «Южную группу»

зарождавшейся Донской армии, которую позже возглавил генерал-майор К.С. Поляков, бывший командир бригады 5-й казачьей дивизии. Эти события спустя годы стали одним пунктом обвинения Д.Ф. Калмыкова по ст. 58. п. 11. Уголовного Кодекса РСФСР от 1926 года. Он гласит: «Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные... в период гражданской войны», влекут за собой меру социальной защиты, предусмотренной 1 частью пункта 2 ст. 58 («Организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний...») – расстрел и конфискацию всего имущества.

В машинописном протоколе допроса Д.Ф. Калмыкова имеются его ответы на поставленные вопросы, где действительно есть угрозы в адрес коммунистов: колхозы – дело добровольное, если будут силой принуждать вступать в него, то прихватчу с собой и коммуниста. Он исходил из предпосылки принципа добровольности вступления в колхоз, в действительности происходило совсем иначе. Трудно говорить об истинности этих ответов в силу многих причин, в том числе методов, используемых при допросах в ОГПУ, и практики составления протоколов.

Уже в 1928 году на апрельском и июльском пленумах ЦК ВКП(б) в центре внимания стоял вопрос кризиса хлебозаготовок и путей его преодоления, где проявились противоречия в вопросе решения возникших проблем между Н.И. Бухариным и И.В. Сталиным [4]. Предложения Н.И. Бухарина и его сторонников о выходе из ситуации (отказ от «чрезвычайных» мер, сохранение курса на подъём крестьянского хозяйства и развитие торгово-кредитных форм кооперации, повышение цен на хлеб и т.д.) были отвергнуты как уступка кулаку и проявление правого оппортунизма. С конца 1929 г. был взят курс на форсирование социалистического переустройства села, его выражением стала массовая коллективизация и ликвидация кулачества как класса. Переход к политике «ликвидации кулачества как класса» произошел уже в ноябре 1929 г. после речи И. Сталина на конференции аграрников-марксистов, где было объявлено о «настоящем наступлении на кулачество» [5]. Сплошная коллективизация, или, по определению И.В. Сталина, «революция сверху» [6] – одно из самых трагических событий в отечественной истории, имевшее самые пагубные последствия для крестьянства и сельского хозяйства страны. Статья И. Сталина в газете «Правда» от 7 ноября 1929 г. «Год великого перелома», констатирующая произошедший перелом в настроении крестьянства в пользу колхозов и выдвигавшая на этом основании задачу быстрее завершения коллективизации, стала «теоретической» базой обоснования ускорения коллективизации.

Незадолго до ареста Д.Ф. Калмыкова 5 января 1930 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», согласно которому на Северном Кавказе коллективизация должна была завершена осенью 1930 г., или весной 1931 г. В соответствии с Постановлением ЦИК и СНК СССР «О мероприятиях по укреплению социалистического переустройства сельского хозяйства в районах сплошной коллективизации и по борьбе с кулачеством» от 1 февраля 1930 года краевые исполкомы были наделены правом использовать все необходимые меры борьбы с кулачеством вплоть до полной конфискации имущества кулаков и выселения их из пределов отдельных районов и краев [7]. По данным ОГПУ, за 1930-1931 гг. была раскулачена 391 тысяча семей, т.е. 1.8 миллиона человек, в том числе семья Д.Ф. Калмыкова. Он относился к первой категории – «контрреволюционный актив», в него входили участники антисоветских и антиколхозных выступлений, которые подлежали аресту, а их семьи – выселению в отдаленные районы страны, в частности в Северный край.

Списки кулаков второй и третьей категорий составлялись на местах с учётом «рекомендаций» сельских активистов и организаций сельской бедноты, что открывало широкую дорогу злоупотреблениям и сведению старых счётов, первой – исключительно местным отделом ОГПУ. Прежние критерии уже не отвечали современному положению, т.к. в 1929 году произошло значительное обеднение кулаков из-за постоянно растущих налогов. Отсутствие внешних проявлений богатства побуждало комиссии обращаться к хранящимся в сельсоветах налоговым спискам, часто устаревшим и неточным, а также к информации ОГПУ и доносам. Так, видимо, произошло и с Д.Ф. Калмыковым, было поднято его дело о невыплате продразверстки, за которое он был осужден Ревтрибуналом в 1921 году. Эти события, по всей видимости, легли в основу для обвинения Д.Ф. Калмыкова по ст. 58

п. 13. Вторая часть этого пункта «Призыв к невыполнению или противодействию распоряжениям центральной или местной власти при неустановленности контрреволюционных целей» предусматривает меры социальной защиты, предусмотренные ст. 59 п. 6 настоящего Кодекса. Согласно этой статье за отказ или уклонение в условиях военного времени от внесения налогов или от выполнения следует наказание вплоть до высшей меры социальной защиты – расстрела, с конфискацией имущества. Это обвинение усугубилось показаниями свидетелей И.Г. Гордеева (бедняк), М.Я. Маценко (маломощный середняк), И.А. Рубцова (бедняк) [3].

За три дня до исполнения приговора, 2 марта 1930 года в газете «Правда» (№ 60) была опубликована статья Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И.В. Сталина «Головокружение от успехов», где шла речь о «перегибах на местах», допущенных при коллективизации. В ней были осуждены многочисленные случаи нарушения принципа добровольности при организации колхозов, критиковалась излишняя «ретивость» в деле раскулачивания. Вся ответственность за допущенные ошибки возлагалась на местное руководство. Реакция на статью, как и на Постановление ЦК ВКП(б) «О борьбе против искривления партийной линии в колхозном движении», принятого 14 марта 1930 г., последовала незамедлительно. Пока местные власти пребывали в полном смятении от противоречащих Постановлений ЦК ВКП(б), начался массовый выход крестьян из колхозов (5 млн чел. только в марте 1930 г.) несмотря на то, что Постановление ЦК ВКП(б) «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» от 5 января 1930 не было отменено. В Донском округе число колхозов сократилось с 15 марта по 10 апреля с 81.8 % до 67 % [8]. Однако отступление от первых «успехов» было короткой передышкой, осенью 1930 года, после сбора урожая, колхозное строительство приняло новые обороты и необратимый процесс.

Обвинение Д.Ф. Калмыкова по пункту 10 статьи 58 УК РСФСР «Шпионаж, т.е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной, иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам», очевидно связано с пребыванием во Франции его сына – Стефана Дмитриевича. Наказание по этому пункту – лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже трех лет, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов государства, – расстрел.

В период нахождения Д.Ф. Калмыкова в Новочеркасском изоляторе было принято Постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», вышла статья И. Сталина «Головокружение от успехов». Они противоречили друг другу, а последняя уже не могла никак повлиять на приговор от 22 февраля 1930 года в отношении участников контрреволюционной кулацкой группировки – механизм насилия был запущен, приговор был оглашен, а через три дня после выхода статьи «Головокружение от успехов» меч «советского правосудия» сделал свое дело. В классовой борьбе, схватках политических группировок и межклановых битвах, сотрясавших страну, жизнь конкретного человека – ничто. В политическое сражение вольно или невольно были вовлечены миллионы граждан СССР, огромное число из них было повержено, оговоримся, не худших, лишив их свободы и жизни, только непонятно за что. Д.Ф. Калмыков, как и миллионы других невинных людей, был осужден и приговорен к «высшей мере социальной защиты» социалистического общества – расстрелу. Позже В.М. Молотов оправдывал политические репрессии: «Социализм требует огромного напряжения сил, в том числе и жертв...» [9]. Я не буду задавать вопрос «Кто виноват?», тем более вопрос «Что делать?», т.к. мы не способны найти истинные ответы, хотя они должны быть известны. Может быть, они недоступны людям, может быть, их знают ангелы, если не они, то, наверно, Бог, но это уже выходит за рамки нашего исследования. Если бы всего этого не свершилось, возможно, мы жили бы сейчас в другом царстве, в другом государстве. К сожалению, история не учит, но констатирует, что цепочка события развивается хаотично в соответствии с законами термодинамики, отраженная в строках З. Гиппиус:

*Блевотина войны – октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,*

О бедная, о грешная страна!..

Заключение. В данном случае, как всякий исследователь, смотрю на себя как на вызванного в суд присяжного заседателя. Его долг – наиболее полно исследовать факты и подкрепить доказательствами, прежде чем вынести вердикт. После этого приводит свою точку зрения, независимо от того, совпадает он с мнением других или нет. При этом он сохраняет спокойствие, голосует ли большинство заодно с ним либо же он остается в меньшинстве; свое дело он сделал, свое убеждение высказал, а над умами и чувствами он не властен.

Примечания:

1. Емельянов Э.И. Мы не забыли: Книга памяти жертв незаконных политических репрессий. Ростов-на-Дону: РИО АО «Цветная печать». 1996. 398 с.
2. Емельянов Э.И. Мы не забыли: Книга памяти жертв незаконных политических репрессий. Выпуск второй. Ростов-на-Дону: РИО АО «Цветная печать». 1998. 520 с.
3. Архив УФСБ России по Ростовской области, д. П-42490. т. 1. л. 17, 17 об., 123, 127.
4. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. Изд. 8. М. 1970. С. 57, 385.
5. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 166-170.
6. История ВКП(б). Краткий курс. М., 1938. С. 291-292.
7. История колхозного права: Сб. закон. материалов СССР и РСФСР. 1917-1958 гг., 1917-1936 гг. М., 1959. Т. 1. С. 166.
8. Центр хранения документации новейшей истории Ростовской области. Ф. 97, Оп. 1, Д. 405, Л. 1.
9. Чувев Ф.И. Молотов: Полудержавный властитель. М.: Изд-во «Олма-Пресс», 2002. С. 466.

УДК 94(47).084:343.43(470.61)

Недостающая страница книги памяти

Николай Петрович Калмыков

Аннотация. Приводится незначительная часть архивных данных о репрессиях на Дону в период коллективизации. На фоне судьбы конкретного человека раскрывается отдельная страница событий начала 1930-х годов.

Ключевые слова: Коллективизация; репрессии; казаки; станица Заплавская; Дон.